
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Степин В. С.

акад. РАН, руководитель секции философии,
социологии, психологии и права отделения Общественных наук РАН.
E-mail: rphs@iph.ras.ru

Анализируются новые перспективы взаимодействия культур. Утверждается необходимость альтернативной стратегии глобализации, которая должна быть связана с поиском новых ценностных ориентиров и новых путей цивилизационного развития. Показано, что в системе ценностей западной культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира, тогда как восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы. Делается вывод, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов.

Ключевые слова: культура, глобализация, ценности, диалог, модернизация, традиция, рынок, технологии, стратегия.

The new perspectives of cultural interaction are analyzed. The author argues the need of an alternative globalization strategy that should be aimed at searching a new value system and new ways for civilizational development. It is shown that within the value system of Western culture the human activity vector is oriented outside; while the Eastern conventional value system supposes the man to be included in the nature. It is concluded that the synthesis of these two opposite views will be connected tightly with correlation, interdependence of these two vectors.

Keywords: culture, globalization, values, dialogue, modernization, tradition, market, technology, strategy.

Великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций. «Греческое чудо» обязано встрече античных традиций и восточных культур. Греческая математика возникла как результат синтеза античной философии и логики с достижениями математики Египта и Вавилона.

Грандиозные трансформации европейской культуры в эпоху Ренессанса и последующих эпох Реформации и Просвещения были продуктом встречи достижений христианской культуры с переоткрываемой культурой античного мира.

В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут протекать эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации.

Современная глобализация выростала из процессов модернизации, которые начались достаточно давно. Они были связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами. Вместе с технологиями заимствовались породившие их пласты западной культуры, которые трансплантировались в

традиционалистскую почву. В этой связи уместно вспомнить высказывание Герцена относительно последствий для отечественной культуры первой российской модернизации – петровских реформ. Герцен писал, что на реформы Петра I Россия ответила своеобразно – более чем через сто лет гением Пушкина. Н. Бердяев, продолжая эту мысль, отмечал, что весь «золотой век» русской культуры и ее Серебряный век были ответом на реформы Петра I. Это действительно так. Встреча разных культур всегда приводит к инновационным всплескам и великим творениям.

Модернизации переводят традиционалистские общества на путь техногенного развития, сохраняя при этом фрагменты традиционалистской культуры и порождая проблемы их адаптации к новым ценностям. Так было в истории России, Японии, Китая. Эти же особенности можно зафиксировать в новейшей истории Индии, Бразилии и других стран, осуществляющих модернизационные процессы.

Когда мы говорим о современной глобализации, то речь идет о взаимодействии стран разного цивилизационного типа. Еще сохранились государства, где доминируют черты традиционалистского типа, есть общества, породившие техногенный тип развития (Запад) и далеко продвинувшиеся на этом пути, и есть страны, перешедшие на этот путь благодаря процессам модернизации (Россия, Япония, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки).

В процессах модернизации, которые осуществлялись в индустриальную эпоху, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами. Эта же позиция пока доминирует и в современных процессах глобализации.

На этот сценарий работают: а) современная организация мирового рынка; б) политические и военно-политические факторы, связанные с доминирующей ролью США; в) агрессивная трансплантация массовой культуры в различные страны и регионы планеты.

Массовая культура укоренялась в техногенных обществах в связи с преобразованиями повседневной жизни, вызванными урбанизацией, разрушением традиционалистских общинных отношений, распространением массовых форм образования. Стандартизация производства и потребления, возникновение индустрии детского воспитания, медицинского обслуживания, досуга и развлечений превратили массовую культуру в реальный регулятор повседневной жизни населения. Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах.

Во второй половине XX в. массовая культура стала не только выразителем, но и своего рода пропагандистом идеалов потребительского общества. Ее внедрение в культуру обществ, сохранявших самобытные традиции, создает угрозу утраты этой самобытности. Глобальная трансляция массовой культуры сегодня выступает особым средством утверждения ценностей «проекта модерн», видоизмененных в эпоху общества потребления.

В принципе эффективность модернизации, основанной на копировании западных образцов, сегодня подвергается серьезным сомнениям. Тезис западных идеологов глобализации: «Делайте как мы, и вы будете жить как мы» – содержит большую долю лукавства. Рост благосостояния людей в экономически развитых обществах потребления связан с постоянным повышением уровня энергопотребления. Энергетические затраты растут даже с учетом внедрения все более эффек-

тивных энергосберегающих технологий. Подсчитано, что если бы в наше время все человечество перешло на тот уровень энергопотребления на душу населения, который реализован в США, то уже освоенные и разведанные на сегодня энергоресурсы были бы исчерпаны буквально на протяжении жизни одного поколения.

К этому следует добавить, что прямо пропорционально росту энергопотребления возрастает и загрязнение природной среды. Если предположить, что все человечество реализовало бы стандарты потребления развитых стран Запада, то экологическая катастрофа произошла бы за считанные годы (а может быть, даже и месяцы).

В 90-х гг. XX столетия была сформулирована концепция, согласно которой поддержание современного уровня потребления, характерного для экономически развитых стран, возможно только для «золотого миллиарда» жителей планеты. Из пропагандистских целей эта концепция сегодня практически не упоминается в западных СМИ. Но реальные стратегии современной глобализации пока разворачиваются в соответствии с этой концепцией.

Вместе с тем большинство развивающихся стран вряд ли удовлетворятся положением, когда их население заранее обречено быть за пределами «золотого миллиарда». Сегодня Китай вышел на второе место в мире по валовому продукту производства, но по уровню доходов на душу населения он многократно уступает развитым странам Запада. Большинство интенсивно развивающихся стран ставят своей целью повысить уровень потребления на душу населения, а в идеале – сравняться по этому показателю со странами Запада. Но поскольку существуют объективные энергетические и экологические ограничения этого процесса, то такие цели вряд ли могут быть реализованы без дальнейшего обострения глобальных кризисов. Это означает, что необходима альтернативная стратегия глобализации, которая должна быть связана с поиском новых ценностных ориентиров и соответственно новых путей цивилизационного развития.

Взаимодействие культур в двух упомянутых стратегиях (уже реализуемой и возможной альтернативной) имеет разную направленность. В первом случае взаимодействие культур ориентировано на тот тип модернизации, в котором страны, достигшие больших успехов в техногенном развитии, предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни как идеалы и образцы, которые должны быть восприняты менее развитыми странами. Во втором случае на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. Диалог культур в этом случае обретает своего рода сверхзадачу – отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов.

Чтобы продвинуться в этом направлении, нужно первоначально определить то общее, что может стать основой взаимопонимания культур. Здесь возможны два подхода. Первый из них акцентирован на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Предполагается, что наличие общечеловеческой компоненты обеспечит диалог культур. Но все дело в том, что общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации. Оно сплавлено с пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции.

Диалог культур в этом подходе предполагает границы взаимовлияния, где особенности каждой культуры должны быть признаны, и к ним необходимо уважительно относиться. Здесь создаются предпосылки взаимопонимания культур, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, их разделяющих.

Во втором подходе к диалогу культур границы особенностей, определяющие самобытность культур, предстают как исторически изменяющиеся, а традиции – как переосмысливаемые. В этом случае анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в этой связи возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей как условия преодоления глобальных кризисов.

Точки роста новых ценностей – это такие состояния культуры, в которых зарождаются новые мировоззренческие смыслы, могущие быть воспринятыми различными культурами, в том числе и сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры – в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности, и главное – в характере научной и технологической рациональности. Главное потому, что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии переплетены связи фундаментальных ценностей техногенной культуры – креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для преобразующей деятельности, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

Эти же мировоззренческие установки определяют приоритетную значимость в жизни общества его экономической сферы. Экономическое развитие и научно-технический прогресс рассматривались как два теснейшим образом взаимосвязанных фактора, которые определяют социальный прогресс. В техногенной культуре он интерпретируется прежде всего как рост общественного богатства и повышение уровня потребления. Доминирующие этические и социально-политические идеи были направлены на обоснование этих ценностей как приоритетов человеческой жизнедеятельности. Возникновение глобальных кризисов и осознание их опасности приводит к проблематизации этих установок.

В современных философских и социальных исследованиях уже не раз высказывалась мысль о необходимости изменить стратегию такого отношения к природе, которое лежит в основе современного экономического развития. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с чувством превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Из западных авторов я бы выделил работы Б. Калликота, Л. Уайта, Р. Атфильда. И, конечно же, в качестве первоисточника справедливо упомянуть идеи А. Швейцера о благоговении перед жизнью. Сегодня предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применяя его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношении человека к живой природе. Рассужде-

ния о новом отношении к природе сопровождаются у большинства исследователей и интеллектуалов, отстаивающих идеи новой этики, ссылками на опыт традиционных восточных культур, на бережное отношение к природе, свойственное традиционным обществам.

Но каковы возможности укоренения этой системы новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании? Ведь они во многом ориентируют скорее на созерцательное отношение к природе, более свойственное традиционным, чем техногенным культурам. Однако возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он смог обеспечить жизненными благами лишь небольшую часть населения Земли. В эпоху Ренессанса, когда готовился старт техногенной цивилизации, на всей Земле жило примерно 500 млн человек. А сейчас – более 6 млрд, и без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягались с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого в шкале ценностных приоритетов была на вторых ролях. Поэтому, когда мы говорим о возможностях восточных культур, отношение к ним должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна сохраниться, обретая новые измерения.

Я думаю, что в будущем наше отношение к природе не сведется к созерцанию и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Весьма вероятно, что преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарном масштабе (что уже сегодня невозможно без резкого, в десятки раз, сокращения населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и созидание новых биогеоценозов, обеспечивающее необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда все больше будет аналогичной искусственно созданному парку или саду, который уже не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека.

И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. В принципе эти идеи высказывали русские философы-космисты. Они были развиты в работах В. И. Вернадского.

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только благодаря осознанию опасности экологической и антропологической катастрофы, угрозе грядущего апокалипсиса, стимулирующей поиск новых ценностей и этических регулятивов. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития.

Сегодня на переднем крае науки и технологической деятельности формируется новый тип рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы.

Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами. Было время, когда новоевропейская наука отторгала картины мира традиционалистских культур как противоречащие научному взгляду на мир. Но сегодня ситуация изменилась, и многие мировоззренческие идеи традиционных восточных культур начинают коррелировать с современными научными взглядами.

Здесь я обычно выделяю три основных момента [Stepin 2005: 357–369].

Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепаживать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человеко-размерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие – укол в определенном пространственно-временном локусе – способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации [Курдюмов 1990: 6–7]. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй»^{*}.

---

^{*} Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост злаков, стал тянуть их за верхушки и вытянул из земли, наглядно иллюстрировала, к чему может привести нарушение принципа «у-вэй».

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Истина открывается только нравственным людям. Напомню, что один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», он давал каждому разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Одной из древнейших и фундаментальных в китайской философии была идея космического значения моральных качеств человека. Размышляя о резонансе всех частей Космоса, китайские мудрецы считали, что путь в образе *дао* или *неба* регулирует поступки людей, но *небо* «может и повернуться лицом к человеку, и отвернуться от него». Не случайно китайцы говорят, что «*небо* действует в зависимости от поступков людей» [Го Юй 1987: 298]. Стихийные бедствия в Древнем Китае воспринимались как свидетельства неправильного правления, как показатель безнравственного поведения властителей, за что *небо* и отворачивается от человека [Тригорьева 1983: 128].

Конечно, если эти идеи понимать буквально, то они выглядят мистически. Но в них скрыт и более глубокий смысл, связанный с требованием этического регулирования познавательной и технологической деятельности людей (включая технологии социального управления). И в этом, более глубоком, смысле они вполне созвучны современным поискам новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и имманентно включает рефлексивность над ценностями в научный поиск, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственными традиционным восточным культурам.

Сказанное, конечно, не означает, что тем самым принижается ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Тип научной рациональности сегодня изменяется, но сама рациональность остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможными позиции равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле можно сказать, что развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность обретает новые модификации в современном развитии. Ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур сегодня во многом теряет смысл.

Таким образом, на переднем крае научно-технологического развития в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают точки роста новых ценностей, что открывает новые перспективы для диалога культур.

Проблемные ситуации, затрагивающие базисные ценности техногенной культуры, возникают сегодня и в сфере мировой экономики.

Во второй половине XX в. в экономически развитых странах Запада возник особый вариант капитализма – общество потребления. Основной принцип экономики этого общества гласит: «Чем больше мы потребляем, тем лучше это для экономики». Потребление порождает спрос, спрос стимулирует новый виток экономического развития. Возникает система с обратной связью. Удовлетворение спроса порождает новый спрос, что обеспечивает рост экономики.

В середине XX в. западные теоретики рынка, социологи и философы обосновывали этот принцип как выражение справедливости. Известная концепция Дж. Роулза соотносила идею регуляции социально-экономического неравенства с повышением уровня потребления «низших страт» общества и возможностью подтягивать их до уровня среднего класса благодаря новому циклу наращивания общественного богатства.

Идеологами рынка были предложены механизмы повышения потребительского спроса. Виктор Лебов, один из исследователей и пропагандистов свободного рынка, еще в середине XX в. писал, что необходима особая система человеческого сознания, направленная на повышение потребительского спроса. Наряду с расширением рекламы и в ее рамках нужно постоянно менять моду на вещи. В. Лебов полагал так изменить пропаганду рынка в СМИ, чтобы приучать людей потреблять, изнашивать и заменять вещи со все возрастающей быстротой. Это выгодно для экономики. Кстати, сегодня эта установка практически реализовалась. Многие производители товаров намеренно так упрощают технологии, чтобы товары быстрее изнашивались, и у потребителей был стимул покупать новые. Как отмечает Э. Ласло, современная цивилизация за пятьдесят последних лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые [Ласло 2004: 70].

Понятно, что такая система экономики может развиваться только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая масштабы загрязнения окружающей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX в. широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а корпораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник обмена этого нового товара – мировая валюта. Ею стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. На рынке появилась огромная денежная масса, не обеспеченная товарами и услугами. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня составляет больше 14 триллионов долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг – это значит жить за счет будущих поколений. В результате принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше это для экономики» перестает быть справедливым. Как регулятор экономического развития он был санкционирован логикой техногенной культуры. Однако сегодня этот принцип проблематизируется.

По существу, он лежит в основе превращения финансовой сферы в особую экономику, жестко не связанную с производством товаров и услуг. Современный финансовый кризис порожден разделением этих двух сфер экономической жизни. И пока оно существует и углубляется, подобные кризисы будут повторяться.

Известный футуролог Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» [русское издание: Ласло 2004] рассматривает принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше это для экономики» как путь к экологической катастрофе. Он отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новая проблема: каковы возможности столь радикальных перемен? Здесь нужен специальный анализ тех изменений в структуре современной экономики, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых энергосберегающих технологий. Важно отметить перспективы внедрения в производство нового дизайна. Согласно этому подходу, вещь-товар проектируется как система, где есть долговременное качественное ядро и его оболочка из обновляющихся аксессуаров, которая изменяется в соответствии с изменяющейся модой. Такой подход открывает путь не только к экономии ресурсов, но и к преодолению провозглашенной В. Лебовым стратегии взаимодействия производства и потребления.

Важно также проанализировать возможности изменения структуры финансового рынка на путях межнационального контроля над мировой валютой, перехода к такому виду мировой валюты, которая, будучи наднациональной, одновременно не является валютой одной отдельно взятой страны.

Конечно, все эти процессы, затрагивающие фундаментальные принципы организации современной экономики, будут воздействовать на культуру. И нужен специальный анализ того, какие перспективы открывает этот сценарий для интенсификации диалога культур.

Точки роста новых ценностей могут возникать и в других областях техногенной культуры, в частности в религиозном и политико-правовом сознании. Примером таких точек роста в сфере религиозного сознания могут служить новые идеи протестантской теологии. Например, Х. Ролстон и А. Пиккок отстаивают идею, согласно которой Бог еще не закончил процесс творения мира, а творит его непрерывно: эволюция продолжается. Получается, мир не просто создан Богом, который смотрит на него как бы со стороны и наблюдает за ним. Бог – соучастник этого процесса, и сумма зла, творимого людьми на Земле, тоже оказывает влияние на этот процесс. Возникает представление о том, что человек ответственен за космическую эволюцию, влияет на нее добром или злом, которое сам творит. Эти идеи могут по-новому осветить принципы человеческой ответственности перед природой, перед собой и будущими поколениями. В ряде аспектов они перекликаются с идеями философии русского космизма.

Важно также внимательно присмотреться к тому, как меняется политическое сознание, какие проблемные ситуации там возникают. В свое время Уинстон Черчилль сказал, что демократия имеет множество недостатков, но ничего лучшего

человечество пока не придумало. Демократия действительно обеспечивает эффективное управление сложными социальными системами, поскольку предполагает многообразные обратные связи, корректирующие управленческие решения. При монархическом и авторитарном способе правления эти связи резко ослабевают. Но в условиях быстрых перемен социальной жизни начинают обостряться и изъяны демократии. В современных условиях она ориентирует власть больше на тактические программы, чем на стратегические. Президент избирается на четыре, максимум на восемь лет (два срока), и он, естественно, думает о том, что сделает за этот короткий срок, какие реальные результаты может получить. Он тактически ориентирован, а нужна иная стратегия, потому что речь идет о планетарных переменах, меняющих состояние современного мира. Должна быть ответственность человека перед будущими поколениями, а не просто сиюминутная борьба за голоса избирателей.

Развитие новых технологий породило разнообразные практики программирования массового сознания. Особенно активно они применяются в период избирательных компаний. Действия людей в этих ситуациях внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе, но в реальности мы имеем дело с проявлением информационного насилия.

Вместе с тем новые технологии коммуникаций (Интернет, мобильные телефоны и т. д.) могут быть использованы и для совершенствования демократических институтов. Они создают новые возможности гласности, активного участия людей в политической жизни, организации массовых протестов против несправедливых действий властей и т. д.

Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре и жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей. Их надо проанализировать, установить, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать. Сегодня это уже не чисто абстрактные занятия, а практическая потребность определить возможные стратегии развития цивилизации. Я думаю, что реализация этой программы является наиболее перспективной задачей современного философского исследования и всего многообразия наук о культуре.

Литература

- Го Юй. Речи царств. М., 1987. (Guo Yu. Speeches of kingdoms. Moscow, 1987).
- Григорьева Т. П. Японская литература XX века. М., 1983. (Grigorjeva T. P. Japanese literature of the 20th century. Moscow, 1983).
- Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. (Kurdyumov S. P. Laws of evolution and self-organization of difficult systems. Moscow, 1990).
- Ласло Э. Макродвиг. М., 2004. (László E. Macroshift. Moscow, 2004).
- Stepin V. Theoretical Knowledge // SYNTHESE library: Studies in epistemology, logic, methodology, and philosophy of science. Vol. 326. Dordrecht, The Netherlands : Verl. Springer, 2005.)
- Stepin V. Theoretical Knowledge // SYNTHESE Library: Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science. Vol. 326. Dordrecht, The Netherlands : Verl. Springer, 2005.

